

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ

УДК 1(091) (47) + 821.161.1(091)

РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ Н.А. БЕРДЯЕВА В КНИГЕ «НОВОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ»

В.А. Бойко

Институт философии и права СО РАН,
Новосибирск, Россия

vboyko100@gmail.com

В публикациях Н.А. Бердяева 1904-1907 гг. намечены две линии идеализации рыцарства: как воплощение глубины средневекового мистического христианства и как благородный человеческий тип. В его книге «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) эти линии дополняются, и на их основе формируется третья оригинальная линия, где рыцарь предстает как притягательный образец преодоления самодовлеющего, обезличенного, безбожного государства. Главная тема книги – необходимость обновления христианства и всех сторон общественной жизни. Религиозное возрождение, согласно Бердяеву, может быть связано только с развитием личного начала. В современном мире господствует ложная иерархия ценностей: субъективные интересы и относительная человеческая воля вытесняют высшие безусловные ценности, связанные с универсальной, объективной Божьей волей. Выражением субъективной человеческой воли, продуктом безграничной поработавшей власти человека над человеком выступает государство. В качестве идеальной, нравственно оправданной формы государства Н.А. Бердяев признает лишь свободную теократию. Альтернативу современной ложной теократии он видит в системе ценностей средневековой культуры – в анархических принципах феодализма и личном начале рыцарской чести. Рыцарский идеал Средневековья русский философ соотносит с современной эпохой и убеждает читателя в необходимости его актуализации.

Новые формы организации общественной жизни предполагают рыцарскую войну за освобождение личности, в том числе и от государственного насилия. Говоря о взаимоотношении индивида и государства, Бердяев вступает во внутреннюю полемику со славянофилами. Свою позицию по этому вопросу он сформулировал ранее, в статьях 1903–1904 гг. Бердяев отвергает славянофильскую идиллию былой России. Величие и индивидуальность народа предполагает свободу человеческой личности, национальный дух проявляет себя не в решении государственных задач, а в творческом осуществлении универсальных общечеловеческих задач.

Ключевые слова: русская философия, славянофилы, личность, государство, «новое религиозное сознание», средневековая культура.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-94-107

Крепость самосознания личности связана с обличением зла, с рассекающим мечом.

Н.А. Бердяев. Философия свободного духа.

В публикациях Н.А. Бердяева 1904–1907 гг., ставших предметом рассмотрения в нашей предыдущей статье [6], пунктиром обозначены две линии идеализации рыцарства: как воплощение глубины средневекового мистического христианства и как благородный человеческий тип. В 1907 г. выходит в свет его книга «Новое религиозное сознание и общественность», где эти линии развиваются и дополняются, формируя третью, оригинальную, линию, где рыцарь предстает как притягательный образец преодоления самодовлеющего, обезличенного, безбожного государства. Философские размышления Бердяева несут на себе отчетливый отпечаток обстоятельств его жизни, личной заинтересованности в обсуждении той или иной конкретной тематики, определенной расстановки акцентов. Уже в предисловии к книге «Новое религиозное сознание и общественность» автор подчеркивает свое аристократическое происхождение: «Исхожу из того, что я не пролетарий: я получил наследство от предков своих и должен обрабатывать и умножать полученные богатства. Аристократичность духовного происхождения – моя исходная точка, она налагает обязанности благородства» [2, с. 5].

Главная тема книги – необходимость обновления христианства, а значит, и всех сторон общественной жизни. Религиозное возрождение, настаивает Бердяев, может быть связано только с личным началом: «Родовому, безличному, подчиненному закону необходимости и закону тления состоянию человечества возрожденное религиозное сознание противопоставит на-

чало личности и соборности, т. е. соединения в Боге, а не в природе» [Там же, с. 54]. Фундаментом человеческой культуры, всякого восходящего творческого движения служит «свободное поклонение высшему и удивление перед ним» [Там же, с. 207]. Будущее человечества состоит не в его комфортном обустройстве в мире, не в эмпирическом благополучии; мир идет «к трагическому раздвоению, из которого видится лишь религиозный исход, лишь в конце мира и преобразении его» [Там же, с. 125].

Личности как высшей безусловной ценности не существует без сверхличного, без Бога. «Только Божественное оправдание абсолютного значения всякой личности делает невозможным превращение ее в средство» [Там же, с. 100]. Но в современном мире господствует «болезненный» субъективизм и индивидуализм, положение личности трагично: «Личность ощутила небывалую еще оторванность от мира, отъединение и тоску, необычайную жажду самоутверждения, жажду полноты и воссоединения, ужас небытия, ужас смерти и скуку недействительной жизни» [Там же, с. 25]. Восставшее «из глубины мирового бытия с небывалой мощью» личностное начало стремится утвердить себя в мире. Однако содержательной, утверждает русский философ, является лишь воля, направленная за собственные пределы к тому, что выше и больше ее; «воля же, направленная на себя, замкнутая в своей человеческой ограниченности, утверждающая лишь себя, – пуста и бессодержательна, уклоняется к небытию» [Там же, с. 124]. «Современное человечество гибнет от самолюбия, изнывает от

тщеславной жажды раздуть себя как можно более, бес честолюбия терзает человеческую душу и люди разъединяются, озверевают. Каждый хочет занять первое место, быть выше других, не свое индивидуальное назначение осуществить, а Богом быть, и все завидуют друг другу и злобствуют» [2, с. 276]. Преодоление этого болезненного состояния требует изменения ценностных приоритетов. Достоинство и свобода личности должны цениться в большей степени, чем индивидуальное благополучие, случайные желания и субъективные интересы конкретного человека, интересы части народа или даже всего народа. Лишь при условии, что высшие ценности жизни будут связаны с волей более высокой, чем человеческая, с универсальной, объективной Божьей волей, личностное начало окажется способным творить «небывалое» добро. «Личность человеческая найдет, наконец, свою свободу и права ее получат абсолютную санкцию, будут обладать неотъемлемой ценностью, если она откажется от обоготворения своей человеческой воли и преклонится перед волей сверхчеловеческой, волей Божьей. Высшая воля пожелаала свободы для человека, утвердила абсолютную неотъемлемость его свободной совести и других прав его, и никакая человеческая воля не властна отнять эту свободу, посягнуть на божественное в человеке» [Там же, с. 124]. В мистическом акте Божья правда должна быть свободно избрана личностью, «и этот акт свободы, – полагает русский мыслитель, – должен иметь свое политическое отражение» [Там же].

Выражением относительной, субъективной человеческой воли, продуктом безграничной поработавшей власти человека над человеком выступает государство. «Я называю злым и безбожным государ-

ственное начало, которое в государственной воле и присущей ей власти видит высшее воплощение добра на земле, второго Бога, – пишет Бердяев. – *Суверенная, неограниченная и самодовлеющая государственность* во всех ее исторических формах, прошлых и будущих, *есть результат обоготворения воли человеческой, одного, многих или всех, подмена абсолютной божественной воли относительной волей человеческой, есть религия человеческого, субъективно-условного, поставленная на место религии Божеского, объективно-безусловного.* <...> Сущность суверенной государственности в том, что в ней властвует субъективная человеческая воля, а не объективная человеческая воля, не абсолютные идеи, возвышающиеся над всякой человеческой субъективностью, всякой ограниченной и изменчивой человеческой волей» [Там же, с. 98, 99]. В качестве идеальной, нравственно оправданной формы государства философ признает лишь свободную теократию: «Государство по самому существу своему скорее безнравственно и не может стать нравственным до тех пор, пока не отречется от власти человека над человеком, пока не смирит своей власти перед властью Божьей, т. е. не превратится в теократию» [Там же, с. 99].

При этом Бердяев, в творчестве которого уже четко обозначился дуализм царства мира сего, царства необходимости, и Божьего царства, царства свободы и любви, показывает, что в истории имели место ложные формы теократии, которых следует избегать. В частности, «искушением всемирного соединения в государстве и обоготворением земного царства соблазнилось католичество, взявшее у Рима меч Кесаря и создавшее папозаризм» [Там же, с. 95]. Но средневековая культура вместила в себя альтернативу ложной теокра-

тии – анархические принципы феодализма и личное начало рыцарской чести. Религиозный идеал Средневековья не был однозначным: наряду с идеалом аскетического монашества христианское сознание эпохи освящало идеал рыцарства, «утверждавшего личность, личную честь и воинственный поход в мир против зла», и два этих идеала невозможно было соединить воедино [Там же, с. 38]. Двойственность средневекового религиозного идеала проявлялась и в том, что «мистика рыцарской чести, выдвигавшая личность, идеал рыцаря, – воина Христова», в той же мере принималась христианским сознанием, как и абсолютная власть папы, идея всемирной империи [Там же, с. 95]. «В Средних веках скрыто много непримиримых противоречий, – отмечает Бердяев, – но и много богатств, к которым не раз еще придется обращаться» [Там же]. Несомненно, среди этих богатств для русского мыслителя особое значение имеет взлелеянный Средневековьем религиозный идеал личности, и не столько в его монашеской ипостаси, сколько в ипостаси рыцарской.

Этот рыцарский идеал Бердяев соотносит с современной эпохой и убеждает читателя в необходимости его актуализации. Прежде всего «честь воина», «заветы рыцарства» должны, как и в Средние века, быть альтернативой стремящегося к обожествлению самодовлеющего государства, не знающего «не только человечности и доброты, но и чести и честности». Государственность, согласно Бердяеву, отличается от общества именно тем, что «живет насильем, действует принуждением, а не средствами моральными и идейными, что не хочет подчиниться она силе сознания и чувств народных» [Там же, с. 112]. С приходом к власти буржуазии начинается бюрократи-

ческое перерождение и вырождение армии, что означает культ низкопоклонства, торжество неискренности, потерю образа Божьего в человеке. Не государству призван служить воин, а обществу, защищать свое отечество, «оборонительная война есть такое же рыцарское и благородное призвание, как и защита слабых и защита своей чести». «Честь воина не в покорности государству, а в заветах рыцарства... Прикосновение к власти государственной, ничему высшему не подчиненной, есть человеческое падение и развращение, забвение всех заповедей, измена всем заветам человечности. Государство почти не может жить без преступлений, оно легко становится организованным, планомерным преступлением, чудовищем, пожирающим человеческие жизни, требующим кровавых жертв, не знающим пощады и милости» [Там же, с. 113].

Здесь, говоря о взаимоотношении индивида и государства, Бердяев вступает во внутреннюю полемику со славянофилами. Свою позицию по этому вопросу он сформулировал ранее, в статьях 1903–1904 гг. «Славянофильское учение, некогда славное и привлекательное по многим своим чертам, умерло... <...> Казенная государственность, государственный позитивизм – вот смертельный враг, загубивший романтические и миссионерские мечты славянофилов. Если каждый народ имеет свое призвание в мире, то путь его осуществления лежит через свободу, свободное творчество, созидание, не знающее цепей, не скованное никакими насильственными застывшими формами» [3, с. 187–189]. Славянофилы идеализировали государство, видели в его развитии проявление присутствующих ему внутренних начал, отождествляли общество и государство. Важную роль

в их доктрине играло противопоставление искусственных европейских государств (обществ), порожденных насилием, разъедаемых борьбой частных интересов и партий, и России, чья государственность была естественным развитием народного быта, покоилась на общих для всех сословий убеждениях¹. Отсутствие рыцарства в России, согласно славянофилам, было закономерным результатом органичного хода развития русского государства (общества), счастливо избежавшего борьбы завоевателей и покоренных им племен, угнетаемых и угнетенных, раздробленности и социального неравенства. В России не сформировалась противоположная народу аристократия, что выступило в качестве отрицательного условия органического характера отечественной истории, в основе которой лежит «дух мирной общины»². Государство на

¹ «Не искаженная завоеванием, русская земля в своем внутреннем устройстве не стеснялась теми насильственными формами, какие должны возникать из борьбы двух ненавидящих друг друга племен, принужденных в постоянной вражде устраивать свою совместную жизнь. В ней не было ни завоевателей, ни завоеванных. Она не знала ни железного разграничения неподвижных сословий, ни стеснительных для одного преимуществ другого, ни истекающей отсюда политической и нравственной борьбы, ни сословного презрения, ни сословной ненависти, ни сословной зависти. Она не знала, следственно, и необходимого порождения этой борьбы: искусственной формальности общественных отношений и болезненного процесса общественного развития, совершающегося насильственными изменениями законов и бурными переломами постановлений. И князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская – все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями; одинакою потребностью общего блага», – писал И.В. Киреевский [8, с. 298].

² «России, – отмечал И.В. Киреевский, – так же мало известны мелкие властители Запада,

Запада – это «искусственная связь рыцарских замков», государство в России – «совокупное согласие всей земли» [8, с. 309]. Бердяев отвергает славянофильскую идиллию былой России, указывает, что «вредная и нелепая» «романтическая мечта славянофилов об идеальном самодержавии не имеет ничего общего с историческим и действительным самодержавием», их заблуждения давно сданы в архив истории [4, с. 168]. «Пламенная вера» славянофилов в национальный творческий дух оправдана, но она была «роковым образом» связана с безнадежно отсталыми устоями жизни русского народа, и тем самым их учение ставило «границы тому свободному созиданию, в котором только и может выразиться свободная национальная культура». Мы, полагает Бердяев, должны пристальнее всмотреться в историю Европы, ведь это отчасти и наша история: «Во имя нашей национальной культуры, во имя самобытного творчества нашего мы прежде всего нуждаемся в европеизации всего нашего общественного строя, в осуществлении и гарантировании некоторых абсолютных правовых постулатов; только это освободит наш скованный и гонимый национальный дух от цепей, сделанных из металла не национального и не самобытно-индивидуально-

употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей неизвестны были и благородные рыцари Запада, опиравшиеся на личной силе, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства. <...> Где больше было неустройства на Западе, там больше и сильнее было рыцарство... Где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному; где более – там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших...» [7, с. 160, 161].

го, а из самого грубого вещества, общего нам со всеми царствами насилия» [3, с. 188]. Величие и индивидуальность народа предполагает свободу человеческой личности, «не терпит насилия над творческими порывами», свойственного всякой исторической форме государственности. Националистическим воззрениям славянофилам Бердяев противопоставляет свою точку зрения, полагая «национальный дух не в задачах государственности, а в самобытном, творческом осуществлении универсальных общечеловеческих задач» [Там же, с. 189].

Однако, подчеркивает Бердяев, кроме идеализации «старых форм властвования» и попытки «приковать к ним творческий национальный дух» для ранних славянофилов «все-таки существовали творческие задачи, к решению которых призывалась свобода» [5, с. 259]. Предпосылкой их романтической мечты о мистическом единении политической власти и свободы народа было неприятие «реальной, позитивной власти», с которой славянофилы не могли и не хотели связывать судьбу русского народа. «В славянофильском учении своеобразно сочетались два противоположных начала – власти, авторитета, и – свободы... <...> Славянофилы брали под свою защиту права личности и хотели утвердить ее вольности без ее воли и помимо ее воли. Это было чудовищное противоречие: свободу нельзя было построить на противоположной ей власти» [Там же, с. 257]. Истинный романтизм, убежден Бердяев, должен избегать внутренних противоречий, дуализма взаимоисключающих принципов. Не мистическое оправдание власти, а мистическое оправдание к свободе, воля к свободе должны служить его основой. Славянофилы мечтали о власти, жаждущей народной свободы, что, по Бердяеву, не со-

ответствует теории и историческому опыту – «пожелать народной свободы может только воля самого народа, а не власть ему противоположная. Историческое развитие человечества к окончательной, мистически оправданной свободе может совершаться только путем растворения власти в воле каждой человеческой личности, творящей для себя желанную свободу: и путем ограничения всякой власти, даже власти народной, неотъемлемыми, абсолютными правами личности» [Там же, с. 257, 258].

И для Бердяева, и для ранних славянофилов образцом этого растворения власти в воле человеческой личности выступает средневековый рыцарь. «Если бы кто захотел вообразить себе западное общество феодальных времен, – пишет И.В. Киреевский, – то не иначе мог бы сложить об нем картину, как представив себе множество замков, укрепленных стенами, внутри которых живет благородный рыцарь с своею семьею, вокруг которых поселена подлая чернь. Рыцарь был лицо, чернь – часть его замка. Воинственные отношения этих личных замков между собою и их отношения к вольным городам, к королю и к церкви составляют всю историю Запада» [8, с. 299]. Но такого рода воля человеческой личности для него есть нехристианское, доставшееся в наследие от Древнего Рима своеволие частного лица и одновременно торжество тотального произвола. Согласно Киреевскому, в Средние века рыцарь был тождественен государству: «Каждый благородный рыцарь внутри своего замка был отдельное государство» [Там же, с. 283]. А.С. Хомяков указывает на тщетность стремлений многих своих соотечественников «видеть в нас начала аристократические и родовую гордость германскую, надеясь найти в них защиту от влияния иноземного

и будущее развитие гражданской свободы», так как «чуждая стихия не срастется с духовным складом славянским», несущим в себе общечеловеческое начало, «благословляющее всякое племя на жизнь вольную и развитие самобытное». «Невозможно в нас вселить то чувство, тот лад и строй души, из которого развиваются майоратство и аристократия, и родовое чванство, и презрение к людям и народам. Это невозможно, этого не будет» [9, с. 99, 100].

В текстах славянофилов отчасти прорисовывается образ рыцаря как анархиста Средневековья, с которым Бердяев солидарен, но он категорически отвергает противное духу христианскому содержание этого образа, сопряженную с его наружным блеском внутреннюю пустоту. В своей книге о Хомякове, вышедшей в свет в 1912 г., Бердяев упрекает его в резко отрицательном отношении к рыцарству, в непонимании миссии рыцарства и будет настаивать на альтернативном подходе, согласно которому в рыцарстве отразилась «душа европейского общества, возмужавшая в средние века, но и донине не погибшая»: «Рыцарство вознесло личность и ее честь, личность поставило выше общины. <...> Дух рыцарства есть прежде всего дух верности, в нем живет церковь воинствующая. В рыцарстве есть вечное начало, есть стихия, без которой не вынудится Царство Божье. <...> Рыцарство было органическим в европейской общественности, было глубоко народным. Вообще нужно сказать, что средние века были органической народной эпохой европейской истории. Славянофильское отношение к средним векам было исторически и религиозно ложным. Рыцари не были разбойники-завоеватели, они плоть от плоти и кровь от крови средневекового народа» [1, с. 379, 380].

Отрицательное отношение Хомякова к рыцарству органично вытекало из его философии истории. «Хомяков не хотел видеть творческой роли гениев, великих людей в историческом процессе. Он принижал начало личное и возвеличивал начало общинное. Он несправедливо отождествлял творческую роль личности, обладающей исключительным призванием, с индивидуализмом. Религиозное преклонение перед хорovým началом мешало ему оценить религиозное значение героя и гения» [Там же, с. 380, 381]. Лишь отвергая культ государства, противостоящее человеческой свободе царство кесаря, возможно прийти к правильному пониманию перспектив мировой истории. И перспективы эти связаны со становлением личности и реализацией ее творческого потенциала.

Бердяев не отрицает необходимость существования государства как важнейшей составной части системы управления и организации общественной жизни. Ведь государство не только «яд, разлагающий все доброе и справедливое» [2, с. 183], антагонист свободы и любви, но и средство предотвращения окончательного хаоса и распада общества. Важно, чтобы государство не превращалось в самоцель, отрывалось от Божественного источника прав и свободы человека; оно должно быть подчинено объективному Разуму, ограничено абсолютными идеями. «Конечно, правительство необходимо, нельзя отдать слабых во власть сильных, нельзя отдать культуру с ее высшими ценностями на растерзание звериных инстинктов хаотической стихии. Человечество до тех пор не освободится от потребности в принудительной государственности, пока не примет внутрь себя Христа. Нужно высшей мощью защитить слабых, охранить ценности, но миссия эта требует

благородства духа, это миссия рыцарская. Или полиция есть мерзость и низость, сыск и шпионство, или она благородное, высокое призвание защиты насилуемых, спасение погибающих, предотвращение насилий, рыцарское призвание. Охрана порядка и спокойствия, человеческой жизни и чести может быть вручена только рыцарям, а не подонкам общества, из которых вербует полицию современное государство. Полицию и бюрократию должно заменить новое рыцарство, благородная порода. Только от роста и организации рыцарских чувств все слабые могут ждать защиты от насилия, всё священное может ждать охраны» [Там же, с. 116]. Бердяев призывает противодействовать анархизму, разъедающему тело России, «но силами добрыми, а не злыми, рыцарски противодействовать»; призывает «больше верить в роль личного творчества в общественном перерождении, в миссию гениев и великих руководителей, чем в политическую механику и средние арифметические величины»; указывает, что для гармонизации жизни нужны не политические шаблоны, а наставники, «за которыми можно было бы пойти по вольному порыву духа»; уповает, что «организованная общественность и управление жизнью, победа над хаотическим раздором и злой враждой возможны иными путями, не только государственно-насильственными, не внешними»; иной путь – это «путь Боговластия, власти в мире абсолютных идей, ценностей непреходящих, путь теократической общественности», путь противостоящий човековластно [Там же, с. 116, 117].

На смену государству должны последовательно приходить новые формы организации общественной жизни; «перерождение государства в церковь, переход от общественного насилия и принужде-

ния к общественной свободе и любви есть абсолютная норма общественного развития» [Там же, с. 122]. В этот переходный период общество берет на себя карательные функции, которые способствуют решению двух задач: правоохранительной – личность нуждается в защите «от насилия злой воли, от звериной стихии», и воспитательной – злая воля подлежит исправлению, звериная стихия должна быть преобразована в человеческую. Реализация этих функций, достижение поставленных целей предполагает возрождение рыцарского духа, основу которого составляет благоговение к священному. «Право организованной общественной борьбы со злом, зверством и преступлением не подлежит сомнению, это долг рыцарства направлять общественные силы на предупреждение всякого насилия, убийства и разбоя, но охрана слабых от посягательств сильных и постановка злых и преступных в условия, при которых воля их могла бы переродиться и очиститься, не достигается насильственными путями старого государства. Для этого необходим морально более высокий общественный союз, необходима сила не государственная уже, а и религиозная» [Там же, с. 121, 122]. Борьба за освобождение личности, в том числе и от государственного насилия, требует силы, ибо «бессилие ничего не может в мире сделать», но сила эта не может иметь ничего общего с насилием и поэтому мощью своей превосходит всякое насилие. Отечественный мыслитель говорит о той «реальной силе», чей источник – «абсолютная действительность, которую мы должны открыть в себе», и опять-таки образцом обращения к «реальной силе», противостоящей насилию, выступает рыцарская война: «Не “непротивление злу” мы проповеду-

ем, мы хотим только противления иного, нежели то, что принято в нашем мире, более действительного противления, не плодящего нового зла. Борьба силой должна быть рыцарской войной» [2, с. 209].

Грядущей рыцарской войне силой противостоят современные Бердяеву ложные формы социальной борьбы, порожденные всё тем же «бесом честолюбия», стремлением к человековластию. «Само справедливое и святое дело освобождения поработенных и угнетенных пропиталось завистью и злобой, иные хотят сделать его основой самолюбия и самообожания, хотят отвергнуть всякое благоговение к высочайшему, всякое уважение к ценному, всякую обязанность благородства, всякую рыцарскую верность» [Там же, с. 276]. Среди новых форм борьбы за псевдоосвобождение человека важную роль играет социал-демократическое движение. У Бердяева находятся многочисленные резоны для критики своих прежних союзников, в частности причины эстетического порядка. Его поражает отсутствие в этом движении поэзии и талантливости, невозможности в нем гения, серость и отсутствие стиля. Дух социал-демократии «убивает стиль в человеческой жизни, революционеры с религиозно-социалистическими надеждами всегда бессильны. Ведь стиль есть кристаллизованное богатство бытия, есть качество, а не количество, индивидуальность, а не массовая безличность. Стильная культура связана с глубочайшими различиями в мире, с подъемами, а не с всеобщим безразличием и безличием» [Там же, с. 145].

Бердяев искренне сожалеет, что в нарождающейся демократии нет благородных, дорогих его сердцу черт, которые были характерны для лучшей части ари-

стократии, нет рыцарства, нет восхищения перед благородством. Он с тоской смотрит в обустроенное «демократами новой религии» будущее: «Когда чувства тысячелетние, вечные будут вытравлены, когда исчезнут ощущения, связанные с мистической стихией мира, то исчезнет благородная порода, заменится благородство нигилистическим благополучием. И скучно станет жить» [Там же, с. 146]. Социал-демократический идеал будущего – это идеал сытого и благополучного мещанина, разновидность буржуазного идеала: «Буржуазность и мещанство – категории духовные, а не социальные. Пролетариат может быть так же буржуазен, как и всякий другой класс, социалист может быть мещанином, как и всякой другой человек. Барин, отрекающийся от своих интересов во имя правды, менее мещанин, более побеждает корень зла в мире, чем крестьянин, насильственно захватывающий себе землю. Глубины духа (равно как и плоти), в котором находим или высшее благородство или окончательное мещанство, не социальной обстановкой определяются» [Там же].

Бердяев подчеркивает, что в период господства буржуазии усиливается тенденция видеть в человеке лишь отражение его социального статуса, ставить достоинство личности в зависимость от случайных внешних вещей, а не от внутренних качеств индивида. «Буржуазный мир ценит в человеке его собственность, его социальные предметы, самого же человека и не ценит, и не видит. Могущество человека в капиталистическом обществе определяется не тем, что *он есть*, его умом, характером и другими качествами, а тем, что *у него есть*, принадлежащей ему социальной материей» [Там же, с. 164]. Инте-

ресно, что в данном случае, сопоставляя капитализм с его всеобщим обезличением и звериным эгоизмом и более ранние исторические эпохи, Бердяев не склонен идеализировать феодализм: «И раньше к личности относились по ее происхождению, ценили в ней не индивидуальный ум, красоту и духовную силу, а общественную власть, но никогда еще не бывало такого господства бескачественной материи. И в феодальном строе посчитали за рыцаря хама в душе, если он рыцарем случайно рожден и унаследовал внешние предметы, необходимые рыцарю; обращались с истинным рыцарем духа как с рабом, если судьба случайно не наделила его рыцарскими вещами. Но никогда еще не было такого поклонения хамству, как в капиталистическом обществе, никогда прежде нельзя было всего купить за деньги» [Там же, с. 165].

Кроме государства и буржуазного преклонения перед собственностью русский мыслитель указывает еще на одну причину обезличенности современной ему общественной жизни – на семью. «Семья и собственность, тесно между собою связанные, всегда враждебны личности, лицу человеческому, всегда погашают личность в стихии природной и социальной необходимости» [Там же, с. 230]. В семье стихия рода противостоит личному началу, родовой инстинкт – любви, природная связанность – свободе. Речь идет не только и не столько об отношениях между поколениями: почитание детьми родителей, равно как и обязанность родителей заботиться о детях, Бердяев относит к числу вечных истин, выходящих за пределы проблематики семьи, действенных вне утверждения или отрицания рода. Связь между родителями и детьми отчасти носит мистический ха-

рактер³. Проблема семьи, пишет Бердяев, заключается в том, что в ней пол подменяется родом, отношения между мужчиной и женщиной приобретают исключительно утилитарный смысл, женщина низводится до положения «раба безличной родовой стихии», чья задачи – рожать и воспитывать детей. Тем самым родовая семья калечит не только женщину, но и мужчину. Ведь мужчина и женщина – две половинки, два осколка цельного бытия, которые в личности сводятся воедино. Личность преодолевает пол как «продукт мировой разорванности и разобщенности». Женственность, по Бердяеву, есть особая сила в мире. Дегradировавшая до положения орудия рода женщина есть отсутствие пола, следовательно, невозможность личности, ибо «нельзя стать личностью, осуществить индивидуальность по ту сторону вопроса пола и любви». «Родовая семья – могила личности и личной любви, в среде этой чахнет Эрос» [Там же, с. 234].

Христианское оправдание родовой семьи русский мыслитель считает противным духу Христову, однако христианские корни имеет и противостоящий культу семьи средневековый рыцарский культ Прекрасной Дамы. «В рыцарском культе Прекрасной Дамы, в любви к Деве Марии, прекраснейшей, как бы является уже в мире Афродита небесная и восстает личность в своей сверхприродной и внеприродной

³ Говоря об этом, философ не упускает случая уличить современного человека в утилитарном бесстыдстве, проявляющемся в неуважении старости, «изгнании стариков из жизни за ненужностью». Он оценивает данный феномен как одно из негативных последствий распространения нигилистического мировоззрения и указывает, что в качестве социальной нормы должно выступать рыцарское отношение к старикам: «Всегда считалась признаком рыцарского благородства защита стариков, равно как детей и женщин» [2, с. 248].

сущности, зарождается новая, невиданная еще, лишь предчувствуемая любовь. Лишь Средние века создали культ женственности... И это был культ вечной женственности – божественного начала, это любовь к Божеству своему в конкретно-чувствительной форме, тут личное сплетается мистически с вселенским. Романтическая, рыцарская любовь в потенции своей есть любовь личная и вселенская, и побеждает она родовое начало, враждебное личному и вселенскому. <...> Средневековый культ Мадонны, образа вечной женственности, был началом невиданной еще в мире любви, это религиозный корень, из которого выростала любовь к Прекрасной Даме, к конкретному образу божественной силы» [2, с. 229]. Только индивидуализированную любовь, усилие «найти лицо, ощутить в слиянии образ, начертанный в Боге, не допустить превращения своей личности и личности другого в простое орудие рода», ведущую к преображению природы, победе над безличными инстинктами, Бердяев готов назвать Эросом, «самым тонким продуктом мировой культуры», «исходом из природной необходимости», особо отмечая, что «история Эроса в мире имеет мало точек соприкосновения с историей семьи» [Там же, с. 243]. «Эрос входит в мир незримыми, неофициальными, противозаконными и как бы противоестественными путями; индивидуализированная любовь, Богом указанное избрание, с великим трудом побеждает природу и подготавливает ее преображение» [Там же, с. 244]. Средневековая культура демонстрирует нам образец «единственно истинной любви» – любви рыцарской, существовавшей вне института семьи: статус жены, домохозяйки не имеет ничего общего с Прекрасной Дамой, конкретным олицетворением

вечной женственности. Новое общество нуждается в животворящем, преображающем влиянии женщины; женщина должна войти в новый мир «конкретным образом вечной женственности, призванной соединить мужественную силу с Божеством», и «не в современном прогрессивно-эмансипаторском отношении к женщине нужно искать искры Божьей, а, скорее, в отношении рыцарском, полном великих предчувствий» [Там же, с. 238].

Рыцарское отношение к женщине, согласно Бердяеву, важно и потому, что оно выступает в качестве образца отношения к церкви. «Церковь любит Христа женственной любовью, и саму церковь мы должны любить как женщину, как Жену, облеченную в солнце, и быть ее верными, мужественными рыцарями» [Там же, с. 274]. Он подчеркивает, что философия вечной женственности крайне важна для учения о церкви. Но, с другой стороны, двойственное положение церкви, созданной «не только Божественной благодатью, но и человеческой волевой активностью, устремлением к Божеству, отвращением к злу», обращенность церкви не только к Богу, но и к миру, оборачивается тем, что женственная по отношению к Богу церковь «мужественна по отношению к миру, она ведет рыцарскую войну с мировым злом» [Там же, с. 275]. Воплощенный в церковной жизни рыцарский идеал позволяет приблизиться нам к тем временам, когда затаенное в нас «Божье» «выйдет наружу и сразится на сцене мировой истории с “кесаревым”, когда вечный смысл, открытый и пережитый в кажущемся уединении, одолеет злое могущество царств земных» [Там же, с. 118], когда в мире восторжествуют начала Божьей правды, произойдет переворот космического порядка, переход на путь богочелове-

ческий. Рыцарский идеал, различные грани которого раскрыты в книге «Новое религиозное сознание и общественность», призван вести нас от мира к Богу, от внешнего во внутреннее, от относительного к абсолютному, способствовать преодолению зла этого мира и победе добра. «Сущность зла – в обоготворении природной человеческой стихии, оторванной от Бога; сущность добра – в обожении человеческой природы, соединенной с Богом» [Там же, с. 290], – этими словами заканчивает книгу ее автор.

Так в своих основных чертах сформировался рыцарский идеал Н.А. Бердяева, нашедший отражение в его публикациях 1904–1907 гг. Позднее этот идеал будет дополнен размышлениями философа о русской истории и культуре, о недостаточной выраженности в ней личностного, т. е. рыцарского, начала; получит развитие в его концепции «нового средневековья»; сыграет существенную роль в обосновании им идеи творческой этики как противоположности этики закона и этики искупления в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931).

Литература

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли; Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007. – С. 226–445.
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – 464 с.
3. Бердяев Н.А. О новом русском идеализме // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.) / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – С. 173–216.
4. Бердяев Н.А. Политический смысл религиозного брожения в России // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.) / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – С. 152–172.
5. Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.) / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – С. 255–265.
6. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 108–119.
7. Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Киреевский И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. – М.: Искусство, 1998. – С. 152–163.
8. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. – М.: Искусство, 1998. – С. 266–314.
9. Хомяков А.С. Семирамида // Хомяков А.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Меддум, 1994. – Т. 1: Работы по историософии / вступ. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева. – С. 15–446.

THE KNIGHTLY IDEAL OF N.A. BERDYAEV IN HIS BOOK “NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS AND SOCIETY”

V.A. Boyko

Institute of Philosophy and Law, SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

vboyko100@gmail.com

In the publications of 1904-1907 N. Berdyaev traced two lines of knighthood's idealization: the embodiment of medieval mystical Christianity's depth and the noble human type. In his book “New Religious Consciousness and Society” (1907) he added the third line, which is formed on the basis of the first two and it portrays the knight as an attractive example of overcoming a self-sufficing, depersonalized, godless state. The main theme of the book is the necessity to update Christianity and all parts of public life. Religious revival, according to Berdyaev, can be connected only with the development of a person. In the modern world the false hierarchy of values is dominating: subjective interests, relative willpower of a person forces out the higher unconditional values connected with the universal objective God's will. The state serves as an expression of subjective human will, a product of the boundless enslaving power of one person over another. N.A. Berdyaev recognizes free theocracy as an ideal, the only morally justified form of the state. He sees an alternative to the modern false theocracy in the system of values of medieval culture - anarchical principles of feudalism and the personal knightly honor. The Russian philosopher correlates the knightly ideal of the Middle Ages with the modern epoch and convinces a reader of the necessity of its actualization.

New forms of organization of public life assume a knightly war for the liberation of a person, including the liberation from violence of the state. Speaking about the mutual relationship between the individual and the state, Berdyaev joins the internal polemic with Slavophiles. He formulated his position on this question earlier, in the articles of 1903-1904. Berdyaev rejects the Slavophile idyll of the former Russia. Greatness and individuality of the nation presupposes freedom of a human being, the national spirit manifests itself not in the solution of the state problems, but in creative realization of universal tasks, common to the whole mankind.

Keywords: Russian philosophy, Slavophiles, person, the state, «the new religious consciousness», the medieval culture.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.2-94-107

References

1. Berdyaev N.A. Aleksei Stepanovich Khomyakov. Berdyaev N.A. *Konstantin Leont'ev: ocherk iz istorii russkoi religioznoi mysli; Aleksei Stepanovich Khomyakov* [Konstantin Leont'ev: an essay out of the Russian religious thought's history. Aleksei Stepanovich Khomyakov.] Moscow, AST Publ., 2007, pp. 226–445.
2. Berdyaev N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and community]. Moscow, Kanon+ Publ., 1999. 464 p.
3. Berdyaev N.A. O novom russkom idealizme [On the New Russian Idealism]. Berdyaev N.A. *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub specie aeternitatis: philosophical, social and literary essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 378–418.
4. Berdyaev N.A. Politicheskii smysl religioznogo brozheniya v Rossii [Political sense of the religious ferment in Russia]. *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)* [Sub specie aeternitatis: philosophical, social and literary essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 152–172.
5. Berdyaev N.A. Sud'ba russkogo konservatizma [The destiny of Russian conservatism]. *Sub*

specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.) [Sub specie aeternitatis: philosophical, social and literary essays (1900–1906)]. Moscow, Kanon+ Publ., 2002, pp. 255–265.

6. Boyko V.A. Kontseptual'nye osnovaniya rytsarskogo ideala N.A. Berdyayeva: pervye shagi [The conceptual bases of N.A. Berdyayev's knightly ideal: the first steps]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2017, no. 2 (32), vol. 2, pp. 108–119.

7. Kireevskii I.V. V otvet A.S. Khomyakovu [An answer to A.S. Khomyakov]. Kireevskii I.V. *Kritika i estetika* [Critique and aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1998, pp. 152–163.

8. Kireevskii I.V. O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [On the nature of European culture and its relation to the culture of Russia]. Kireevskii I.V. *Kritika i estetika* [Critique and aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1998, pp. 266–314.

9. Khomyakov A.S. Semiramida. Khomyakov A.S. *Sochineniya*. V 2 t. T. 1 [Compositions. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Medium Publ., 1994, pp. 15–446.